

СУДЬБЫ

Сергей ЛАЗАРЕВ,
кандидат исторических наук
Алексей ГУЛЯЕВ

ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ ЕФИМА ЩАДЕНКО

Годы революции, Гражданской и Великой Отечественной войн, «Большого террора» наложили свой отпечаток на человеческие чувства, семейные отношения, судьбы людей. Особая нагрузка легла на плечи жён высокопоставленных военных...

...Будущий генерал-полковник Ефим Афанасьевич Щаденко родился 12 сентября 1885 года в станице Каменской Донской области. Отец был чернорабочим, мать — подёнщицей. С ранних лет Ефим самостоятельно добывал себе пропитание портновской работой. В 1904 году он вступил в объединённую организацию социал-демократов Пятигорска. Во время Первой русской революции организовывал борьбу рабочих Юга России за улучшение условий труда. Неоднократно арестовывался, сидел в тюрьме.

Примерно в 1910 году Щаденко женился. Супруга его, Елена Максимовна, была доброй и заботливой женщиной. Когда в 1910 году скончалась мать Ефима, супруги взяли на воспитание двенадцатилетнего брата Ефима — Георгия — и младшую сестрёнку — Дусю. Что случилось с Еленой Максимовной в дальнейшем — неизвестно.

После революции, для борьбы с казаками генерала П. Н. Краснова, Щаденко организовал партизанский отряд, с которым в июне 1918 года присоединился к армии К. Е. Ворошилова, участвовавшей в обороне Царицына. Здесь Щаденко впервые столкнулся с Борисом Мокеевичем Думенко. В ноябре 1918-го Думенко возглавил Сводную кавалерийскую дивизию, в которой его помощником и командиром бригады был Семён Михайлович Будённый. Эти талантливые командиры постоянно соперничали между собой, а Думенко соперничал ещё и с Щаденко — только не на поле боя, а в личной жизни. Борис Мокеевич «отбил» у Ефима Афанасьевича штабную машинистку Анастасию, настоящую красавицу¹. Думенко и Ася поженились, но самолюбие Щаденко было задето.

В 1919-м Щаденко оказался членом РВС Украинского фронта — где подружился с начальником 1-й Украинской Советской стрелковой дивизии, знаменитым Н. А. Щорсом. «С Щорсом я был связан особой, исключительной, несмотря на разность положения и возраста, дружбой, — вспоминал Ефим Афанасьевич. — Мы как-то быстро перешли с ним на дружеское «ты»... Многие свои радости и горести он нёс ко мне»². Отношения в семье друга стали для Щаденко примером: «Начдив Щорс не был женофобом, но его сердечный идеал составляли, разумеется, не разодетые, раскрашенные, кричащие буржуазные дамы. Он любил свою скромную, такую же энергичную и преданную партии, свою милую Фруму Ростову, которая была в одно и то же время женой и боевым партийным товарищем»³. И Ефим Афанасьевич твёрдо решил: его супруга будет обладать такими же качествами, а их отношения будут не менее романтическими.

В ноябре 1919-го Щаденко участвовал в создании легендарной Первой Конной армии. Будучи членом её Революционного военного

совета (РВС), он руководил воспитанием красноармейцев и укомплектованием армии. Тут-то он и оказался причастен к делу командира Конно-сводного корпуса Думенко. Борис Мокеевич не принадлежал к категории идейных, не любил комиссаров, грозил изгнать из своих частей коммунистов, и, как писал Щаденко, «доходил иногда до того, что по телеграфу допускал ругань по адресу Реввоенсовета и Советской власти»⁴.

Некто Кравцов, назначенный к Думенко начальником связи, донёс Будённому, что в корпусе «тайно действует какая-то банда — хватает ночью активных коммунистов, расстреливает и трупы бросает в прорубь... Упорно идёт слух, что Думенко намерен увести корпус к белым и только ждёт для этого подходящего момента»⁵. Масла в огонь подлили Ворошилов и Щаденко. «Мы, — писал Ефим Афанасьевич, — старались Будённого навести на мысль, что, может быть, Думенко затевает авантюру против Советской власти, говоря о «чёрных тучах», после этого Будённый решил, что, видимо, так оно и есть»⁶. И весной 1920-го Думенко был арестован по обвинению в подготовке антисоветского мятежа и убийстве комиссара.

Щаденко приложил руку и к дискредитации Анастасии Думенко. Борис Мокеевич писал жене из камеры о разговорах среди других арестованных по его делу: «Говорят, что это ты всех принимала и что хотела, то и делала. Но ведь пусть говорят, что хотят. Но ты у меня одна»⁷.

Командующий Кавказским фронтом М. Н. Тухачевский и член РВС фронта Г. К. Орджоникидзе просили поспешно созданный ревтрибунал воздержаться от сурового приговора. Однако показания Будённого, Ворошилова и Щаденко — иногда нелепые, путанные — дали основание вынести приговор о применении к Думенко высшей меры наказания.

В Первой Конной Щаденко встретил свою любовь — заведующую художественно-агитационным отделом армии Марию Александровну Денисову. Здесь же, на фронте, сыграли свадьбу.

Денисова родилась 21 ноября 1894 года в деревне Старая Столбовской волости Гжатского уезда Смоленской губернии в крестьянской семье. Окончила Одесскую женскую гимназию, училась в частной живописной студии, затем в художественном училище. Первый муж Денисовой, инженер Василий Строев, уехал в Англию, а Мария с дочерью Алисой осталась в России. В 1919 году, оставив дочь у родственников, она ушла в Первую Конную: делала агитплакаты, рисовала карикатуры, играла на сцене...

В Щаденко её привлекли искренние революционные убеждения, военно-организаторские и творческие способности. В одном из писем жене Ефим отмечал: «Пишу много и хорошо. Знаю, ты меня будешь любить за это»⁸ (ещё в приходском училище он начал сочинять стихи⁹). К Марии он испытывал страстные чувства. «Позавчера был в Житомире, видел те места и квартиру, где мы с тобой жили, любились. С какой-то новой волной нахлынули чувства, связанные с воспоминания-

Е. А. Щаденко, помощник инспектора кавалерии РККА. 1931 г. Фото П. Оцуца.

Мария Денисова.

ми, и мне было приятно думать о тебе, представлять тебя милой, нежной, любимой»¹⁰... В письмах он называл возлюбленную Марусенькой, Мусенькой, Любонькой — сопровождая эти имена эпитетами «милая» и «родная»¹¹.

После войны Щаденко решил продолжать карьеру военного, а Денисова — реализоваться в творчестве. В 1927 году Мария Александровна завершила обучение в знаменитом ВХУТЕМАСе — Московских высших государственных художественно-технических мастерских (представив в качестве дипломной работы портрет Ленина).

В 1920-е годы карьера Щаденко застопорилась из-за неоднократных болезней — последствий ранений; он перенёс несколько операций. Денисова всячески помогала мужу встать на ноги, и в 1928-м он писал ей из Германии, где был на лечении: «Ты, милая голубонька, пишешь, чтобы я приложил все старания... чтобы к осени быть совершенно здоровым, мне думается, что при твоей помощи и помощи товарищей я этого добьюсь»¹².

Впрочем, человеколюбивый по натуре Ефим Афанасьевич мог вести себя и грубо. «Меня мучает всё время мысль, что ты осталась мною недовольна благодаря моей несдержанности»¹³, — оправдывался он в одном из писем жене. Разногласия возникали, например, по вопросам искусства, большим ценителем которого был Щаденко. Он много читал, знал классическую и современную литературу¹⁴, одним из первых разглядел талант «певца Первой Конной» художника Митрофана Грекова, консультировал его при освещении конкретных эпизодов Гражданской войны, а после смерти Грекова фактически стал его первым биографом¹⁵.

Щаденко был сторонником соцреализма — чего требовал и от жены. Художественное творчество должно прославлять подвиги Красной армии, походы Первой Конной! И Денисова пыталась внести посильный вклад в дело «увекочивания героической борьбы с контрреволюцией». Ей принадлежат портреты О. И. Городовикова, самого Щаденко и других известных красных командиров. Однако общественного признания они не получили. Денисова тяготилась рамками официального искусства, ей ближе был символизм «серебряного века»...

Впрочем, главными были всё же трудности материального характера. Во второй половине 1920-х Щаденко не занимал никаких должностей и получал урезанное жалование. Денег катастрофически не хватало, а Денисовой нужны были материалы для валяния. Апогеем этих проблем стали конфликты 1928–1929 годов¹⁶.

Суть конфликтов Щаденко сформулировал в письме жене, написанном к декабрю 1929 года: «Ты недовольна была экономическим гнётом нашего жёсткого бюджета, я — вечной тревогой за его прорыв; борьба всё время главным образом и развивалась на этом участке фронта. Ты страдала от невозможности удовлетворить свои даже скромные культурные потребности, я от твоего вечного недовольства»¹⁷. О том же вспоминала Лиля Брик: «Мария — одна из героинь «Облака

в штанах». Вышла замуж за военного Щаденко. Маяковский познакомился с ней в каком-то году на какой-то выставке. Она часто просила у него деньги, как он говорил, с оттенком шантажа»¹⁸. Письмо Денисовой Маяковскому, датированное 1929 годом, вполне это подтверждает: «Дорогой Владимир Владимирович! Щаденко категорически не разрешил мне брать у Вас денег — думал он, что я пошутила в 1-й раз, говоря, что Вы будете оплачивать натуру и отливку. Всё же я наделала долгов — прошу Вас в четверг в 4 часа или в пятницу в 4 часа быть дома. За Вашу помощь я Вам бесконечно благодарна и если бы я когда-нибудь могла бы быть Вам полезной, то я бы сделала что-то для Вас»¹⁹.

Да, Щаденко был категорически против влезания в долги. Он писал супруге: «Твои потребности в творческом вдохновении твоего художественного «Я» могут простираются далеко за пределы нашего скромного бюджета, а вне его законных рамок нет жизни, удовольствий и борьбы за лучшее будущее»²⁰. В конце 1928-го Денисова даже ушла от мужа, жила в общежитии для безработных, но Щаденко угрожал её вернуться²¹.

Однако в декабре 1929 года Денисова ушла снова. Тогда Ефим Афанасьевич поставил её перед выбором: «...Наши отношения всегда в своей положительности и противоположенности отличались глубочайшей искренностью, и потому крайней нежностью или враждебностью... Восстановление их мыслимо только на новой социально-идеологической основе. Или мы должны это понять и жить под жёсткой диктатурой нашего железного бюджета или искать... новых, противоположных для каждого, независимых друг от друга путей: третьего не дано»²². И Денисова уступила.

В 1930 году Щаденко стал помощником начальника Военной академии имени М. В. Фрунзе по политчасти, и ему повысили содержание. Теперь стали находиться и средства на творческие потребности жены, и Денисова возобновила художественную деятельность. Одной из заметных её работ стал скульптурный портрет Сталина (1932).

В период «Большого террора» Щаденко принял активное участие в организации репрессий в РККА. В мае 1937 года он стал членом военного совета Киевского военного округа. Известно его письмо Денисовой 18 июня 1937 года, опубликованное в журнале «Родина» в 1989-м:

«Милая, родная Марусенька!

Пишу из древней русской столицы — Киева. Летом, одевшись в пышное платье богатой зелени, с широкой лентой голубого Днепра, вплетённой в светло-русые косы песчаных берегов, она выглядит древней красавицей, шумно играющей в горелки среди широких, цветистых просторов Приднепровья.

Ты знаешь, что я немного художник и умею обобщать и в синтезе, как и ты, представить общественные и природные явления в их живом историческом развитии и действии...

Милое солнышко, я так скучаю и беспокоюсь в минуты, когда я, усталый, оторвавшись от работы, тащусь к своей в буквальном смысле солдатской койке. Работы так много, что я раньше 2-х — 3-х часов ночи не выбираюсь из штаба. Вредительская сволочь целыми годами гадила, и нам надо в недели, максимум в месяц — два, не только ликвидировать все последствия вредительства, но и быстро двигаться дальше.

Трусливые негодяи, не замеченные в благодушном беспечии пребывавшими «стражами», пробрались на высокие посты, разложили стражу, напоили ядом сомнения казавшихся зоркими часовых и замыслили небывалое злодеяние. Хорошо — это наше счастье, — что СТАЛИН сам рано заметил, почувствовал опасность приближения к нему фашистских террористических убийц и стал принимать меры, не поддавшись на уговоры пощадить ЕНУКИДЗЕ (эту самую подлую и замаскированную гадину), вышвырнул его со всей бандой из Кремля, организовал новую, надёжную охрану и назначил т. ЕЖОВА — этого скромного и кропотливого работника — и стал распутывать клубки и узлы фашистских замыслов о кровавой реставрации капитализма.

Эта рыко-бухаринская и гитлеро-троцкистская сволочь хотела отдать Украину и Дальний Восток с Сибирью германо-японскому блоку за их помощь в деле реставрации капитализма, в деле кровавого уничтожения всего того, что добыто великим нашим народом в результате Великой Октябрьской революции. Мы дорого заплатили за идиотскую беспечность. Из наших рядов враги социализма вырвали пламенного трибуна революции тов. КИРОВА. Мы могли поплатиться ещё многими головами и материальными ценностями, если бы не СТАЛИН, с его железной волей, чутким и насторожённым взором подлинного Ленинского стража мировой пролетарской революции. Это он — скромный, уверенный в себе, в своей партии, в одежде простого солдата, с лицом и чуткостью пролетарского революционера, — спас нас от величайшего несчастья и ужасного позора, который готовили нас окружавшие, смертельно ненавидящие революцию и многих наших руководителей враги народа.

Твой Ефим»²³.

Не были, однако, опубликованы последние абзацы письма. Вот они:

«У меня так много работы, но мне так легко работать, т. к. я чувствую теперь, что я вырвался на творческий боевой простор к массам, а главное, что я чувствую, что подлинно великий СТАЛИН снова может убедиться в моём умении и самоотверженности, с которой я работал на его глазах во время гражданской войны.

Крепко-крепко обнимаю тебя и целую, моё милое солнышко. Скоро я буду в Москве, не позднее первой половины июля, и постараюсь забрать к себе моё милое родное семейство. Всегда твой Ефим.

От Гени требую, чтобы он не обижал и слушал свою родную милую маму. Ваш папа»²⁴.

В ноябре 1937-го Щаденко был назначен за-

Группа конармейцев с К. Е. Ворошиловым. Второй слева в первом ряду Е. А. Щаденко. Февраль 1935 г. Фото Г. Зельма.

местителем наркома обороны. От этого периода сохранилась по-своему интересная записка от 23 сентября 1939 года:

«Милая, родная Марусенька!

Я со своим носом не могу никуда выйти, т. к. он у меня на воздухе начинает всё больше краснеть и разыгрывается так, что потом никуда вообще нельзя будет показаться. Я решил несколько дней не выходить из комнаты, поэтому моё отсутствие не толкуй превратно. Желаю здоровья и хорошего, бодрого настроения! Целую, твой Ефим»²⁵.

Под «комнатой» имелся в виду его рабочий кабинет. Эта, на первый взгляд, рядовая записка свидетельствует о многом. «Превратное толкование» следует расценивать как возможную ревность со стороны супруги. Авторы не нашли каких-либо подтверждений тому, что эта ревность имела под собой основания. Но важно иное: раз Мария всё ещё могла ревновать мужа, значит, у неё оставались чувства к нему. В свою очередь, ревностно относившийся к службе Ефим Афанасьевич заботился, чтобы супруга не волновалась из-за его отсутствия.

В годы Великой Отечественной Щаденко занимал пост заместителя наркома обороны. Он был освобождён от должности 20 мая 1943 года, когда наиболее напряжённый период войны был уже позади. До января 1944-го Ефим Афанасьевич был членом военных советов ряда фронтов, после чего никаких постов не занимал. Отход 58-летнего генерала от дел был связан с состоянием здоровья; руководство страны оценивало его деятельность положительно и продолжало поощрять наградами.

Семья Щаденко в годы войны находилась в

эвакуации в Куйбышеве. Генералу удалось отправить родным лишь несколько коротких телеграмм. Одна из них позволяет сделать предположение о причине смерти Денисовой:

«Милая, родная, любимая Маруся! Поздравляю [с] великим праздником Первого мая. Радуюсь улучшению твоего здоровья. Надеюсь на полное восстановление творческой деятельности твоего таланта. Сердечно обнимаю, жму крепко твои искусные руки. Скоро разгромим Гитлера, и будем вместе. Твой Ефим»²⁶.

Документ можно отнести к 1942 или 1943 году. Телеграмма адресована в Кремлёвскую больницу в Куйбышеве. Денисова чем-то сильно болела. Вряд ли Щаденко стал бы акцентировать внимание на «искусных руках» и «восстановлении творческой деятельности», если бы болезнь не лишила Марию физической возможности заниматься валянием. Ещё в 1929-м, в письмах Маяковскому, Денисова признавалась, что бросить занятия скульптурой, творчество для неё «равносильно смерти!»²⁷ Видимо, болезнь усугубилась, Денисова утратила надежду на возвращение к творчеству — и именно поэтому 10 декабря 1944 года, уже в Москве, выбросилась из окна.

Дочь Денисовой от первого брака, Алиса, уехала в Англию вместе со своей дочерью Ольгой Карповой. У супругов была также общая дочь Вера, но о ней мало что известно. Кроме того, в семье Щаденко воспитывалась его младшая сестра Дюся. «Привет и поцелуй Дусе! Буду рад, если она будет хорошим «Ленинцем», т.е. хорошим учеником, т.к. все ленинцы только тогда будут настоящими, когда они будут хорошо учиться, так как учился дедушка Ленин»²⁸, — писал Щаденко супруге в 1920-е годы.

Однако «хорошего ленинца» из младшей сестры Щаденко не вышло. В какой-то момент она «отбилась от рук». Упомянутый в письме 1937 года Геня — это её сын Геннадий, племянник Щаденко, также воспитывавшийся в его семье. С сестрой и племянником после войны Щаденко разругался. Чего стоит только это письмо Геннадию: «Ты вместе с твоей «Матушкой» сделал по отношению ко мне большую и многократную подлость и грубое свинство, и ты хочешь, чтобы тебя не мучила совесть? Вы поступили, по меньшей мере, по-свински, перевернули корыто, нагадили своими грязными ртами — судили, рядили, изрыгали грязную клевету, а потом, когда увидели, что корыто, которое Вы разбили, уплыло от Вас навсегда, стали жаловаться и выть, как самые глупые и подлые твари»²⁹.

Щаденко ненамного пережил супругу — он скончался 6 сентября 1951 года. «К концу жизни он стал совершенно ненормальным, — вспоминал главный военный прокурор Н. П. Афанасьев, — К чванству и кичливости прибавилась какая-то патологическая жадность и скопидомство. Проживая на собственной даче под Москвой (Баковка), он, оставшись один (жена умерла, детей не было), торговал овощами и копил деньги. Заболев, он повёз в Кремлёвскую больницу свои подушки, одеяла и матрац. Когда он умер, в матраце оказались деньги — свыше ста шестидесяти тысяч рублей. На них он умер. Знаю это потому, что о происшествии пришлось составлять акт и посылать для этого в больницу военного прокурора»³⁰. Это свидетельство надо воспринимать критически: автор даже не знал, что дети у Щаденко были. Внешняя грубость Ефима Афанасьевича снискала ему плохую славу лишь среди людей, плохо его знавших. С другой стороны, это свидетельство отражает одиночество, какое испытывал Щаденко в последние годы жизни. Деньги он копил на похороны: надеяться было уже не на кого.

Супруги были похоронены на одном кладбище — Новодевичьем, но отдельно друг от друга. На могиле Денисовой установлена наиболее известная её работа — скульптурный автопортрет с дочерью «Материнство».

Авторы выражают благодарность К. А. Козиной (Электросталь) за предоставленную фотографию М. А. Денисовой-Щаденко.

Орловская область — Москва

Примечания

1. Морозова О. М. Любовные тексты участников гражданской войны как исторический источник // Российская история. 2012. № 1. С. 153.
2. Щаденко Е. А. Из записок о Николае Щорсе // Советская Украина. 1958. № 5. С. 139.
3. Там же. С. 143.
4. Морозова О. М. Указ. соч. С. 157; Родина. 1989. № 5. С. 31.
5. Будённый С. М. Пройденный путь. Кн. 1.

М. 1959. С. 406.
6. Медведев Р. А. Окружение Сталина. М. 2010. С. 276.
7. Морозова О. М. Указ. соч. С. 151.
8. РГВА. Ф. 37461. Оп. 1. Д. 128. Л. 2 об.
9. Там же. Д. 156. Л. 25–25 об.
10. Там же. Д. 128. Л. 34.
11. Там же. Л. 13–15, 34, 36, 45, 53.
12. Там же. Л. 27.
13. Там же. Ф. 37461. Оп. 1. Д. 128. Л. 67.
14. Хорев А. Карьера комиссара // Красная звезда. 1991. 16 ноября.

15. Щаденко Е. А. Правда, простота, величие // Советское искусство. 1935. 23 февраля.
16. Дардыкина Н. Джококонда, которую украли // Московский Комсомолец. 2001. 22 января.
17. РГВА. Ф. 37461. Оп. 1. Д. 128. Л. 61 об.
18. РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 1181. Л. 27.
19. Там же. Д. 1180. Л. 4.
20. РГВА. Ф. 37461. Оп. 1. Д. 128. Л. 63 об.
21. Дардыкина Н. Указ. соч.
22. РГВА. Ф. 37461. Оп. 1. Д. 128. Л. 62 об–63.

23. Родина. 1989. № 5. С. 31.
24. РГВА. Ф. 37461. Оп. 1. Д. 128. Л. 9.
25. Там же. Л. 14.
26. РГВА. Ф. 37461. Оп. 1. Д. 128. Л. 49, 52.
27. РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 1180. Л. 1–2.
28. Там же. Л. 68 об.
29. Там же. Л. 73.
30. Ушаков С. Ю., Стукалов А. А. «Фронт военных прокуроров». Когда расстреливали прокуроров. Рассказы о военных прокурорах. М. 2000. С. 86–87.